

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Долгарева Анна Петровна

СТИХИ

*Но к чему прикоснулась Россия –
то навсегда Россия.
Мы излучаем Россию, в Бозе почия,
Мы возвращаемся живыми аль неживыми,
На истлевших нашивках неся её имя.*

Когда я пишу,
Как видела мёртвых людей,
Разбитые окна, сожжённые крыши,
Как стреляли и жгли,
И не было правды среди земли,
И казалось, что нет и выше,
Как над зимней степью кричали вороны,
Как пальцы прилаживались к патронам,

То это я пишу о любви.

Когда я пишу,
Как подыхали мы в девяностых,
Как полыхали кресты на погостах,
И чёрные с головы до пят
проходили женщины,
И чёрным становилось всё на земле,

То это я пишу, как умею,
Пишу вслепую во мгле,

Это я пишу о любви.
И о чём бы я ни писала,
И кричала бы ни о чём,
Она была посреди всего –
Ангел с горящим мечом,
Когда хоронили,
Когда расставались,
Когда кольцо надевала на мёртвый палец,
Она была среди чёрных,
Изломанных, сгоревших людей,
Она была ветер степной,
И звон колокольный.

И я говорю о ней.

Всё, что я есть, – отмечено ею.

По большому счёту,
Я вообще ни о чём не умею,
Кроме любви.

И больше никого не хоронить,
А только вишни собирать в ведёрко
Пластмассовое детское – они
Лежат там с горкой.

И строить новый город на песке,
И будут понарошечные люди
Ложиться спать на белом лепестке –
Давай так будет.

Вон жук ползёт, глаза его черны,
Жук красно-чёрный, именем солдатик,
Не мучь его, пусти его с войны,
Ей-богу, хватит.

И ямка для секретика в земле –
Туда ложатся город, мама, кошка.
Не плачь, не плачь, тебе под сорок лет.
Мы все тут – понарошку...

Первому двадцать, второму сорок,
отец и сын,
Русые русаки среднерусской
тверской полосы,
Цветное фото; не рыдай мене, Мати,
Зрящи во гробе: смерть была прежде.
Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

Аптечка говно, натирают берцы,
У старшего уже поизношено сердце,
У младшего условка за хулиганку.
Ходили в дозор спозаранку,
Сын чуть не споткнулся о мину.
«Матери только молчи,
а то всыпет ремнину».

Пока ты дома ешь манго и пьёшь брют,
Они за тебя умрут.
Летняя степь цветущая, пасторальная.
Ладно, чего там я, извини, забудь.
А знаешь, в чём самая жуть?
Им это нормально.

За холмом и рекой бахает, бацает.
И полно тут этих холмов и рек.
А в Луганске цветёт акация
И у Ксюши в коляске маленький человек.

И везёт она его, совсем новенького,
Меньше месяца как рождённого на свет,
А рядом идёт солдатик,
и голова вровень его
С цветами – седыми, и он – сед.

Как брызги шампанские,
Акации соцветия.
Пацаны луганские
Двадцатилетние.

На разгрузке лямки,
На портрете рамка.
Где ваши мамки?
Я ваша мамка.

Не смейся, тётя, сделай фотоснимок,
как мальчик во дворе играет в мяч,
И августовский воздух так горяч,
прозрачен так невыносимо.

И целый дом, не раненный ещё,
трепещет занавесками на окнах.
Снимай: оно так скоро всё поблекнет,
и время начало уже отсчёт.

И через восемь лет его я встречу –
подросшего мальчишку без мяча,
но с автоматом – там, где, рокоча,
подходит артиллерии предтеча.

Он будет там, с котёнком на руках,
С улыбчивыми полными губами,
уже не мальчик, но ещё не камень,
уже бесстрашный – но познавший страх.

Снимай же, тётя, – а теперь и я
затвором щёлкну фотоаппарата,
поскольку смерть из мира не изъята,
но в вечности останутся друзья.

Цвёл подсолнух, круглый, желторотый,
и глядел на запад, за светилом.
Бабушка крестила вертолёты,
Троеперстьем в воздухе крестила.

И они, летевшие за ленту,
голубую реку, реку Лету,
растворяясь на исходе лета
над берёзами и бересклетом,

словно становились чуть отважней,
словно бы чуть-чуть неуязвимей.
И парили коршуны над пашней,
и полёт всё длился стрекозиный.

Смерть ходила рядом, недалёко,
Обжигала порохом и жаром.
А она – за ленту вертолёты
проводжала, снова проводжала.

Исхода скорого не жди,
А ход-то что же, ход-то вот
он. Идут луганские дожди,
Идёт луганская пехота:

Башкир Аскар, казах Казах
И русский мальчик из Рязани.
И васильки в седых полях
Глядят недетскими глазами.

Большие жёлтые цветы,
То коровяк стоит, то лунник
В рост человека. С высоты
Приходит смерть. Куда ни плюнь, лик

Древний, восковой, как стяг.
Но кошка в ящик, где гранаты,
Нежданно принесла котят.
Их кормят из шприца солдаты.

На рассвете рассыпчат свет зарожденья дня,
Желтоватых берёз подвылинявшая палитра.
Тень ложится на мост, чернением вороня,
Словно ствол.

И только слова молитвы:

«...но хочу ль, не хочу ль,
а всё же спаси меня».

Да, мы прах и порох, а в будущем, может, цинк,
Ни один не праведен, впрочем,
совсем не странно

Праведных помиловать –
мы же пока жильцы
Тех окопов, где кровь и грязь,
а не с неба манна.

На рассвете рассыпчат свет,
и слегка туманно
Проступают сквозь тени мёртвые наши отцы,
И подходят, и руки жмут –
крепко, без обмана.

И упала звезда, и застряла во мне,
И чернели сгоревшие хаты.
И заплакала мать на родной стороне,
И заплакала моя мати.

И когда я упал с той звездой в виске
Без последнего русского слова,
Покраснела вода в Ингулец-реке
Чёрной осенью двадцать второго.

И прижался к траве я сгоревшим лицом,
И ушёл я, минуя блокпосты.
...В вышине над Херсоном,
Осколом, Донцом –
Бесконечные русские звёзды.

Русские солдаты – лучшие из людей.
Впереди – свет и более ничего.
Мы побеждаем Господним чудом,
  оно сильнее
Чем логика, разум и даже наш бабий вой.

Наши кости станут стенами новой империи.
Наша кровь станет космическим топливом.
Мы потомки Юры Гагарина
  и Лаврентия Бери,и
Винтики госмашины неповоротливой.

Однажды я сказала:
  «Россия здесь навсегда».
А потом мы мучительно отступали.
И тогда на горизонте взошла звезда,
Звезда высокой печали.

Глядеть на палую листву,
Отсчитывать года и войны
И в электричке на Москву
Читать канон заупокойный.

Кричат вороны над крыльцом,
Уходят на войну солдаты,
Дрожит сухое деревцо
Средь сумерек голубоватых.

Светлы в России октябри,
Ясны, прозрачны и печальны.
И плачет мамка: «Не умри»,
И сын её идёт – случайный,

Любой, бессмертный, неземной
Солдат, святой и неизвестный,
Туда, где будущий покой,
Туда, где будущая песня.

Придёт Покров, потом зима,
Укроет ягоды рябины,
И эти ветхие дома,
И тех, кого мы так любили.

И этим мамкиным сынам
Ходить, ходить со смертью рядом,
Чтоб, может, кончилась война
Хотя бы к новым листопадам.

Офицер в Изюме мне говорил такое:
«Не пиши „геройство“, мы не герои.
Мы не то что сражаемся в высшей лиге,
Максимум – упоминание
в полковой книге».

Русский борщ кровавый
с укропом варили,
Говорили, разное говорили.

Мол, земля мы и прах,
и порох, и артснаряд –
За соседку Таню, за продуктовый у дома,
За старух на лавке, за дворников, за котят,
За своих и чужих, знакомых и незнакомых,
Не расспрашивай,
пусть другие потом говорят.

И они действительно о себе не умели.
Потому я перестала быть женщиной,
  стала гобоем,
Пела о них, целовала их в лоб перед боем.
Помяни, Господь, Заката,
  Скрипача, Паганеля

И прочих, променявших имя в крещении
На короткий, как выстрел из РПГ*,
  позывной.
Наступает осень, ветер в оконные щели
Входит, и больше никогда
  не остаёшься одной.

---

* РПГ – ручной противотанковый гранатомет. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Дождь кончился, уазик увязал.
Был воздух от огня прокипячённым.
«А шансов, в общем, не было», – сказал
мне штурмовик из бывших заключённых.

Он дважды выжил, больше вопреки,
уже привык существовать в аврале.
Возились грустноглазые щенки,
а кошек не было, ушли, мне так сказали.

Запомнила: недавняя гроза,
и к западу огонь ожесточённый,
и светятся разутые глаза
штурмовика из бывших заключённых.

Будучи истинным панком,
посреди войны
я
встала
и заговорила так, словно не было
ни самолётов, ни танков,
Мариуполя не было, харьковского
отступления не бывало –

я
заговорила
о снеге,
лежащем, как старое тяжёлое одеяло
из восьмидесятых ещё,
в маминой полузабытой квартире.

Вероятно,
я
хотела
сказать
о мире.

А слов-то и не осталось,
  кончились все слова,
а я говорила об ощущеньи сродства
с тишиной, но тишина забивала рот мой.
В это время попал под «Грады»
  знакомый ротный,
или это было год назад –
  но время не имело значения.

Воздух свистел,
  словно его разрезали качели.

Это, кстати, к вопросу,
существует ли поэзия после,
существует ли поэзия возле.
Существует ли поэзия вообще.

Тем не менее, вне зависимости
  от того, насколько
у меня получалось протолкнуть
  слова через горло,

снег сиял, словно горный хрусталь
на сколах,
словно это какой-то чудный
потаённый город,
а не наша реальность,
перемешанная с кровью,
с грязью, а только светлые кровли,
колокольный звон,
покаянный канон,
каждый будет спасён.

И ведь это правда, каждый будет спасён,
иначе зачем это всё.

К утру прохладнее стало, кусты посвежели,
Розовая заря занималась над горизонтом.
Разведка спецназа ночью
                                вышла из окружения,
Подняла пехоту,
                                вернула два километра фронта.

Проявив хладнокровие,
                                действуя на опережение,
И дальше по тексту – Боже,
                                под сердцем немеется,
Разведка спецназа ночью
                                вышла из окружения.
А потом ордена раздали –
                                в штабах, разумеется.

«Сколько ещё?» – и боишься проговориться,
Словно в космос, смотря

в запотевшие эти лица,
В летнее это марево, эту дрожь, всё
Такое живое. Уверенно:

«Ты вернёшься».

Сколько бы дома дочка ни голосила,
Сколько бы тут ни идти от Донца до Буга.
У снайпера Арамиса из Петербурга
Футболка «Ахматова – сила».

А значит, мы знаем,

что ныне лежит на весах,
Спасибо, мы знаем, спасибо,
Арамис доведёт до взвода,
и станет неведом страх.

Дуб – дерево, роза – цветок,
отечество наше – Россия,

Смерть неизбежна

(здесь аккордом грохочет выстрел).

«Сколько ещё?» Да сколько потребует
чувство долга.

Ибо в России надо жить долго

И умирать быстро.

Опять играет неловкий блюз,
Радио ловит волну.
Но жизнь такова, что я остаюсь,
А ты идёшь на войну.

Под горлом стучит голубая нить.
Шепчу: «Увидимся впредь».
И мне остаётся перекрестить
И при тебе не реветь.

Морозы жуткие нынче, плюс
Нескоро нам ждать весну.
И жизнь такова, что я остаюсь,
А ты идёшь на войну.

И мы говорим с тобой не о любви,
А снова об этой войне.
И ты же просил меня: «Не реви».
И я не реву вполне.

Такие острые – глянь – края
У ледяной белизны.
Не мать тебе, не жена, но я
Тебя подожду с войны.

Иногда я говорю: «Боже, Боже,
Зачем ты оставил этот мир
и маленькую меня?»
Осенние профили чётче, мрачней и строже,
Заиндевелые ветки друг о друга звенят.

Переправа – это когда вода
И над ней смертельный огонь по цели.
Бог не оставлял никого из нас никогда,
Просто хотел, чтобы мы повзрослели.

Солдат поднимает руку
        в последнем крестном знаменье,
Когда смерть с небес
        безглазо к нему пришла.
Нас не учили ходить этой смертной тенью,
Но мы идём, и надо не бояться зла.

Ощущаю себя ребёнком,
        а смерть понарошкой.
Кем же были мы до войны,
        как мы были мелки.
Полевой повар большой поварёшкой
Разливает варево в подставленные тарелки.

Бог создал из сосен этот серебряный лес
И сказал, что он хорош есть и хорош весьма.
Смерть, прилетающая с небес,
Красоты не различает сама.

Или это конец времён и далее пусто?
Побледнели поля несжатые, не до жатвы.
Птицы летят подальше от осени русской.
Бывает ли жалко врага? Да, бывает жалко.

Я уже почти без тела
стою у входа в блиндаж,
Истончается осень,
как последняя паутинка.
Мои пальцы холодные трогают карандаш,
Получается монохромная
неуверенная картинка.

А вот представь: человек вернётся с войны,
А там никакого, ну никакого тебе человека.
Он же с ума сойдёт
от этой внутренней тишины,
Чтоб самого себя искать от века до века.

Жёлтый лист под ногами. Ревёт БТР.
Бог не оставил нас, нелепых,
одних, невзрослых.
Объясни только, Боже, как жить-то теперь,
Если мы росли без молитвы и безголосны.

Бог оставил нас тут за старших,
а мы-то и сами дети,
Прокопчённые, неумытые растеряхи.
Но пока так надо –
мы не страшимся смерти,
Словно давние наши предки,
морские варяги.

Пехота

Зима – это холод, от которого
никуда не деться,
Это мыши в землянках скребутся,
ищут тепла.
Ваньке двадцать лет,
а уже никакого детства.
Разве молиться, чтоб Богородица уберегла.

Пехота идёт вперёд, окапываясь полулёжа.
Привстанешь – птичка заметит,
верная смерть.
Ничего, даст Господь,
буду нонеча осторожен,
На руки и голову падает белый снег.

Вырыть бы по пояс, а там не страшно.
Считай, закрепились. Штурма идут впереди.
Господи, когда-то это же были пашни,
Чернозём-то какой, гляди.

Блиндажи окопать кое-как,
  тут уже не до жиру,
Лишь бы укрыться от смерти,
  летящей с небес.
Чёрная смерть следит за теми, кто живы,
Пытается выцелить их живое тепло и вес.

Такой пацан, а тоже, куда ж ты с нами.
А я, говорит, сам пришел-то в военкомат.
Мыши роются ближе,
блиндаж замечает снегами.
Ты скажи-то, сильно хоть плакала мать?

Белые маскхалаты на снегу белом,
Вороны на небе поднимают волну.
В десяти метрах лежит мёртвое тело,
Выступая из-под снега, ожидает весну.

Вот бы небо увидеть не серым, а синим,
Как в детстве,
        когда нёсся под гору велосипед.
Шиш теперь, только редкие эти осины,
Только снег, и окопы, и тусклый свет.

А оно будет. Остаётся верить лишь в это,
Копая траншею сквозь чернозём,
Что однажды наступит мир и цветное лето.
И придерживай велик,
        когда твой сын за рулём.

Идёт весна по лесополкам,
И в этом ветре жизни столько,
Что смерти словно бы и нет,
И острый краешек осколка
Не залетит к тебе в кювет.
Идёт весна, солдаты курят,
Кот в блиндаже набедокурил,
Вдали разрывов слышен шум.
А ближе к ночи будет штурм.
А мимо, бывшие когда-то,
Обычным ухом не слышны,
Проходят мёртвые солдаты
Минувшей мировой войны.
Глаза у них светлы и святы,
Проходят мёртвые солдаты,
Слегка лишь тронув за плечо,
И вскинешься, но тут всё те же,
И нож травинки землю режет,
И светит солнце горячо.

По радиации сообщили:

не будет вам подкрепления.

А танки шли. Танки тоже об этом знали.

Невысокий лес качался. В прицеле теплели
Цели. Выхода не было, как в начале

времени, сошедшегося в единую точку.

Всё ревели от выстрелов,

земля поднималась дыбом.

Деревья валились,

неживые и раскуроченные,

огонь поднимался отвесной глыбой.

Пространство меняло плоть свою

и структуру,

Оплывая алыми дымящимися кольцами.

Оставалась единственная надежда

на ПТУРЫ*.

Некто с позывным «Север»

вызвался добровольцем.

---

* ПТУР – противотанковая управляемая ракета.

Танки шли колонной,
а он один против танков
и его противотанковые
управляемые ракеты.

Он менял позицию,
ПТУР таща на плече, так
его, и было жарко от горячего света.

После четвёртого подбитого танка
ему показалось,
что им не будет конца,
что так и будет до смерти:
пот заливает глаза,
никогда не наступит старость,
только выстрелы
в бессмысленной круговерти.

После шестого танка они тормознули,
перестали ползти
на спрятанную в посадке пехоту.
Танки ревели траками, лихо свистели пули,
«Север» вытирал лицо от жаркого пота.

А потом, как в кино,
кавалерия из-за холмов, как водится,
враг отступил, подошло подкрепление,
всё не зряшно.
Уберёт Господь, уберегла Богородица,
земля от траков
превратилась в чёрную пашню.

Что-то потом говорил,
уже ведомый автопилотом,
Похлопывали по плечу,
улыбался бессмысленно.
А потом курили, вымокшие от пота,
И мыслей не было. Вовсе никаких мыслей.

Весна 2024

1

Этой весной наступали сквозь пот и жуть
По синеве весны,
                                по времени колокольчиков.
Полз по стене окопа серьёзный жук,
Ветер касался травы игольчатой –

Она росла на старых позициях, как
Волосы на мертвце, совершенно новая.
Выживали как-то в огне атак.
Эти атаки стали основой

Нового существования. Те же, кто
Не пережил, –
                                оставались в рядах, полузримые.
Отводили чужую пулю в бою раз сто,
Курили сигареты – звёзды неугасимые.

И всё ж, несмотря
на постоянные эти штурмы,
На бесконечные бои за разбитые сёла,
Земля вздыхала, оправляясь после зимы,
И начинали гудеть первые пчёлы.

2

Мы вообще не виделись. Ты был на войне.
Отвечал через раз,
ловя проблески интернета.
Так что говорила с тобой я больше во сне.
И летела, летела, летела планета.

Женской ладонью не отвести беду,
Но я молилась словами любви измотанной,
И ты возвращался, и таяло солнце в пруду,
Я понимала: вот оно,

То, что зовётся любовью – не дом, не семья,
Вообще не какие-то отношения.
А только вот эта молитва, молитва моя
И раз за разом твои возвращения.

В августе приходит русский холод,
Проступает из костей земли.
Где-то у небесного престола
Клином пролетают журавли.

Ночью ясно, холодно и сухо,
В лунном свете отступает мгла.
Умирает тощая старуха
На краю разбитого села.

Кажется ей: пахнет словно прежде,
Свежим хлебом, жарко, горячо.
Со двора заходит Лёня Брежнев
И кладёт ей руку на плечо.

И пока что не в руинах школа,
И пока не рухнула страна.
В августе приходит русский холод,
Но не прекращается война.

Позывные мечутся в эфире,
Тепловизор ищет след тепла.
Мёртвый Брежнев говорит о мире
На краю разбитого села.

И старуха, жёлтая, как свечка,
Покидает дряхлую кровать,
Сходит, словно девочка, с крылечка,
И уходит в небо забывать.

В России смерть приходит, как отец,
Неся на куртке уличную сырость.
Неловко обнимает, наконец,
И говорит: «Малыш, ну как ты вырос.

Пойдём с тобой на выходных в кино».
А ты молчишь, а ты уже в пижаме.
Он будет пить дешёвое вино
И выговаривать о чём-то маме.

Мне снятся лики мёртвых погранцов
И кровь артериальная заката.
В России ада нет, в конце концов,
Есть долгий выдох на траве примятой.

И в деревянной церкви тишина,
И к Сыну наклоняется Мария,
И десять лет гудящая война
Жизнь отбирает каждый раз впервые.

Темно, пригнулись травы на ветру,
Желтеет лист берёзы тонкоствольной.
В России смерть уходит поутру,
Оставив свет, куда глядеть не больно.

Бражник мёртвая голова сидит на стене.
Я стараюсь не помнить о смерти и о войне.
Чёрные крылышки, призрачная пыльца.
Русские люди сражаются до конца.

Кто мы, рождённые временем тёмных смут?
Радио умерло, все телевизоры врут,
Чёрное солнце светит для нас под Курском,
И всё равно мы говорим на русском.

Бабочка бражник, чёрное твоё тело,
Вспомнить ли, что было да прогорело?
Молодость наша положена под Донецком,
Детство осталось в Союзе Советском.

Успокой мою мёртвую голову,
дай ключевой воды,
Двум смертям не бывать,
не уйти от одной беды,
Август сгорает, пепел ложится серый,
Едут под Курском зелёные БТРы.

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Долгарева Анна Петровна

СТИХИ